

ЮРИЙ КОЗЛОВ

“ТОЛСТЫЕ” ЖУРНАЛЫ В ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

По мнению литературоведов, три ключевых слова определяют жизнь любого “толстого” литературного журнала: направление, борьба, компромисс. И есть ещё одно слово, висящее над каждым изданием, как дамоклов меч, – исчезновение. В России сегодня у журналов два выраженных направления – патриотическое и либеральное. Активной борьбы как таковой журналы ни с властью – “царящим злом”, – ни друг с другом не ведут. Более того, все журналы готовы на компромисс, лишь бы только власть оказала финансовую поддержку. Однако государственные структуры относятся к журналам равнодушно, полагая, что *спасение утопающих – дело рук самих утопающих*. Так что на первый план выходит слово “исчезновение”.

В торжественно провозглашённый с самых высоких трибун Год литературы большинство российских толстых литературных журналов находятся на грани остановки издания. Это наглядно иллюстрирует отношение общества к литературе, состояние самой литературы, отношение власти к литературе, наконец, состояние самого общества, принявшего “за основу” существования вульгарную, описанную ещё Марксом модель капитализма времён первоначального накопления, когда одна – меньшая – часть населения безоглядно ворует и потребляет, а оставшаяся – выживает и деградирует. Потребляющему и воруящему классу нужна лёгкая, развлекающая литература типа “женских” детективов и эротических фантазий в духе “Пятидесяти оттенков серого”. Выживающему и деградирующему населению литература вообще не нужна. Ему книги не по карману, хватило бы денег на еду и оплату услуг ЖКХ. К тому же нельзя не учитывать и резкое общее снижение уровня образования, особенно в “непристижных”, связанных с изучением русского языка и литературы профессиях, представители которых во все времена являлись основой “читающего класса”.

Литература перестала быть государственным делом. В стране нет идеологии, объясняющей людям, куда мы движемся, какие цели ставим перед собой. А это означает, что власть не ставит перед собой задачу воспитания народа в духе высоких нравственных и гражданских идеалов, не заинтересована в эстетическом и культурном развитии общества. Собственно, это логично, потому что культурные, образованные люди никогда не смогут смириться с вопиющей социальной несправедливостью, с запредельным богатством одних и нищетой других. В данный момент идеологию ситуационно заменяет псевдопатриотическая имитация.

Литература отдана на откуп рынку, то есть структурам, ориентированным исключительно на получение прибыли. Они относятся к литературе, как к шоу-бизнесу. Поэтому у читателей на слуху пять-десять фамилий “раскрученных” авторов, а остальные, не вписывающиеся в “рынок” писатели впадают в жалкое существование. То, что прежде называлось литературным процессом, сегодня подменено пиаром и рекламой. Серьезные талантливые писатели не могут пробиться к массовому читателю, а сам читатель дезориентирован. Если прежде литература развивала и возвышала читателя, то сегодня она его развлекает и отвлекает от главного вопроса: куда движется наше общество, правильной ли дорогой мы идём?

В СССР, из которого все мы вышли, общественное устройство было, конечно, довольно своеобразным, однако оно основывалось на первичной социальной справедливости, давало возможность каждому выбрать профессию, развиваться на выбранном поприще. Человек из деревни или маленького города, если обладал определённым талантом, мог стать академиком, выдающимся математиком или директором крупного предприятия. Литература ориентировала человека на достижение высоких целей, а потому рассматривалась как государственное дело. Общество было заинтересовано в том, чтобы каждая отдельная личность развивалась, совершенствовалась в духовном и профессиональном плане. Благодаря такому подходу развивалось и само общество. Когда идея развития, движения вперёд была утрачена, началась деградация, застой. Советская система оказалась разрушенной под истерические крики о демократии и “невидимой руке рынка”, которая якобы всё регулирует. Литература оказалась ненужной. Вместо самореализации и духовных устремлений речь пошла исключительно о деньгах. Людям была предложена новая модель существования – жить ради денег, ради бессмысленного потребления. И многие, особенно в первые годы “дикого” капитализма, повелись на эту приманку, решили, что вместо того чтобы честно трудиться, выгоднее, например, сделаться бандитом, украсть бюджетные средства или выстроить криминальную схему для незаконного обогащения.

По логике “толстые” литературные журналы должны были прекратить своё существование ещё в девяностые годы, но они сохранились, в основном используя накопленные ещё в советское время ресурсы. “Золотой” эпохой стали для них последние годы СССР, когда, благодаря снятию запрета на публикации запретных прежде авторов, тиражи увеличились в сотни раз, а цены на бумагу, коммунальные и типографские услуги оставались по-советски символическими. Именно тогда у редакций началось “головокружение от успехов”, возникла иллюзия, что так будет всегда. Именно тогда практически все толстые журналы были приватизированы, главным образом, своими же редакциями, объявили себя независимыми и самостоятельными во всех отношениях. Но столкновение с капиталистическими реалиями быстро разорило журналы, обернулось для них утратой помещений, где они сидели десятилетиями, привело к массовому уходу квалифицированных сотрудников, падению престижа у авторов и читателей. Журналы вступили в унылую эпоху выживания и борьбы за существование, которая с переменным успехом продолжается до сих пор.

Вообще же история литературных журналов в России насчитывает уже более двух веков. Во второй половине XVIII века Екатерина Вторая создала журнал “Всякая всячина”. Это было, применительно к тому времени, развлекательное издание. Но тут же Николай Новиков начал издавать журнал “Трутень”, который можно было назвать оппозиционным власти. Здесь ставились те самые “проклятые” вопросы, на которые власть не хотела отвечать.

Традиция ставить подобные вопросы, рассматривать литературу как средство влияния на мыслящую часть общества стала “ноу-хау” русских литературных журналов, определила их роль в культурной и политической жизни страны. В сороковых годах XIX века “Отечественные записки” сформировали целое литературное поколение – знаменитую “натуральную школу”. Белинский так сформулировал стоящую перед изданием задачу: “Журнал должен иметь, прежде всего, физиономию, характер. Безыдейность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала составляет в его направлении, его мнении, его господствующем учении”.

А вот что писал на эту тему спустя много лет Владимир Лакшин – один из руководителей знаменитого “Нового мира” времён Твардовского: “Такое уникальное социально-нравственное образование, как российская интеллигенция со всеми её достоинствами и недостатками есть прямой итог деятельности русской литературы и журналистики, прежде всего, толстых журналов”.

Во второй половине XX века в советское время журнал “Новый мир” объединил вокруг себя авторов либерального направления, там активно печатались те, кого потом назовут “прорабами перестройки”. В это же время вокруг журнала “Молодая гвардия”, а затем и “Нашего современника” объединились литераторы патриотического направления, в их числе и Юрий Селезнёв, которого мы сегодня часто вспоминаем.

Немалое значение для популярности у читателей имела и личность главного редактора. В историю вошли “пушкинский “Современник”, “Колокол” Герцена, некрасовские “Отечественные записки”, “Новый мир” Твардовского. К сожалению, сегодняшних главных редакторов ведущих российских журналов едва ли кто знает по имени, и это тоже свидетельство падения их авторитета. Исключение составляет разве лишь “Наш современник” Станислава Куняева. Этот журнал твёрдо придерживается выбранного – патриотического, государственного, русского – направления. Его никак не назвать безыдейным и безликим. Другое дело, что его “лицо” не нравится тем, кто сегодня определяет в стране культурную политику.

В отличие от “Нашего современника”, увы, к немногим сегодняшним литературным журналам можно применить такие критерии оценки, как соотнесённость идеологического направления с общественной борьбой времени, анализ специфики отражения журналом основных событий эпохи.

Зато это прекрасно понимал Достоевский, творчество которого столь проникновенно исследовал Юрий Селезнёв, кстати, воплотивший провозглашённые Достоевским принципы своей научной и журналистской деятельности. Вот что писал Достоевский, объявляя о подписке на журнал “Время” на 1861-й год: “Речь идёт о “слитии”... с началом народным”. “Мы убедились, наконец, – утверждал он, – что мы тоже отдельная национальность, в высокой степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал. Характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческим. Русская идея, может быть, станет синтезом всех тех идей, которые развивает Европа. Может быть, всё враждующее в этих идеях найдёт своё применение и дальнейшее развитие в русской народности”.

И эта мысль Достоевского, как никогда, актуальна сегодня, когда Европа погружается в “толерантно-миграционный” и антихристианский хаос, и всё больше и больше людей, сохраняющих верность традиционным человеческим ценностям, смотрят на Россию, как на последний заслон перед окончательным разрушением мира.

Другое дело, как мы ответим на это, потому что и в России сегодня сильны тенденции разрушения и дестабилизации. Противодействуя “коллективному Западу” во внешней политике, наша “элита” наступает “на горло собственной песне”. По-прежнему сохраняется финансовая и экономическая зависимость от так называемых “партнёров”, по-прежнему российские деньги тратятся на приобретение ценных бумаг США. Окончательный выбор – на чьей стороне российская “элита”, собственной страны или западных “партнёров”, где живут и учатся её дети, где их деньги и недвижимость, – не сделан. Разговоры о так называемой “национализации элиты” ведутся исключительно для того, чтобы успокоить народ. И вот эта двойственность расслабляет и дезорганизует общество, мешает ему объединиться для решения важнейших национальных, социальных и политических вопросов.

Лучшие русские писатели пишут об этом, но их произведения и поставленные в них проблемы замалчиваются. Помочь могла бы литературная критика, но этого не происходит.

Впрочем, что-то похожее было и во времена Достоевского. “Литературная критика, – писал он, – пошлет и мельчает. В иных изданиях совершенно обходят иных писателей, боясь проговориться о них. Спорят для верха

в споре, а не для истины”. Одна из важнейших задач литературы, по Достоевскому, характеризуется “мыслью христианской и высоконравственной”, которая должна “восстановить погибшего человека”, то есть вернуть его к добру и красоте, которая “спасёт мир”.

К сожалению, приходится признать, что сегодня литература, исповедующая заветные Достоевским идеалы, живописующая социальные и мировоззренческие “язвы” современной России, спасающая “погибшего читателя”, не пользуется популярностью у этого самого читателя. Человек приходит в книжный магазин, и каких авторов он видит на полке “лидеров продаж”? Исключительно тех, в кого издательства вложили деньги, которые надо любой ценой “отбить”. Тема, художественный уровень, талант автора, общественная значимость произведения тут никакого значения не имеют. Чем пошлее, примитивнее, похабнее, тем больше шансов, что книгу купят. То есть читатель не поднимается до литературы высокой и истинной, а, напротив, опускается на дно литературы низкопробной и разрушительной. Так, в своё время миллионными тиражами издавалось произведение под названием “Интердевочка”, потом труды Суворова-Резуна и так далее.

В XIX веке ситуация, несмотря на отсутствие всеобщей грамотности, была иная. Такие писатели, как Достоевский, Толстой, Тургенев, Лесков, Некрасов, Гаршин, Успенский, Решетников, Чехов, писали о критически важных для страны вопросах: о крестьянской реформе и её последствиях, о развитии капитализма в России; о проблемах народного образования и здравоохранения, нравственном состоянии общества, путях духовного оздоровления русского народа. И их произведения расходились большими по тем временам тиражами, в том числе и благодаря публикациям в литературных журналах. Разве об этом пишут сегодняшние “лидеры продаж”?

В то время основным адресатом “толстых” литературных журналов была читающая интеллигенция России. Сегодня, к сожалению, эта интеллигенция – врачи, учителя, библиотекари, преподаватели вузов, музейные работники – вытеснена на обочину жизни. Их мнение не имеет никакого значения для тех, кто принимает определяющие жизнь страны решения. Ну, а так называемый “средний класс”, чьи вкусы сегодня обслуживают “лидеры продаж” и писатели-шоумены, читает мало и выборочно, в основном то, что рекомендуется глянцевыми журналами. Эти рекомендации, а также определённый круг авторов воспринимаются как руководство к действию для государственных структур, где распределением средств и грантов занимаются люди, в основном, либеральных взглядов. Именно поэтому, например, в Год литературы проводится фестиваль Довлатова, где присутствует министр культуры, но не проводятся фестивали Шолохова, Белова, Рубцова или Солоухина. Песни Макаревича звучат на всех каналах, а человек, якобы сорвавший его концерт в Москве, уже почти год сидит в СИЗО. И таких примеров множество.

В этой связи можно вспомнить несколько подзабытую сегодня теорию отражения. Всё, что человек читает, преломляется в его душе, влияет на его дальнейшую жизнь. Истинная литература всегда в духовном плане возвышенна и позитивна, даже тогда, когда, например, повествует о гражданской войне, как “Тихий Дон” Михаила Шолохова, или изображает реальность в духе фантастического реализма, как Михаил Булгаков в “Мастере и Маргарите”. Подобные произведения формируют у читателей гармоничное понимание жизни, ориентируют на высокие нравственные и гражданские ценности. Нынешняя, завязанная на коммерческий успех литература ставит перед собой другие задачи – развлечь, ошеломить, изумить. Поэтому на полках книжных магазинов сейчас так много эротики, фантастики, антиутопий, изощрённых, я бы даже сказал – извращённых в психологическом плане детективных произведений. Нельзя не сказать и об отупляющей и разлагающей роли телевидения, которое заменило многим книгу. Современный читатель качественно изменился, он уже не тот, каким был в советское время, и это огромная проблема. Можно говорить о невосприимчивости читателя к литературе, требующей работы ума и души, сопереживания, осмысления горьких истин.

Соответственно и писатели сегодня разделились по сущностному признаку. Для одних литература – это обобщение их личного человеческого опыта. Они полагают, что их произведения смогут оказать какое-то влияние на общество

только в том случае, если написанное прошло через их душу и личность. Эти писатели не гонятся за славой, работают, не оглядываясь на сиюминутную конъюнктуру. Другие ставят во главу угла коммерческий успех, опираются на иную систему нравственных и творческих координат. Пока что в борьбе за массового читателя при активнейшей поддержке полностью коммерциализированных издательских и книготорговых структур побеждают они. Но капля камень точит.

Журналы всегда создавались и издавались единомышленниками. Действовала своеобразная связка: главный редактор – редакционный коллектив – свои авторы – свои читатели. Сегодня эта схема сохранилась, но измельчала, журналы превратились в клубы по интересам.

В своё время на страницах “Дружбы народов” состоялась дискуссия о будущем “толстых” журналов. Участники пришли к выводу, что неизбежная гибель “толстых” журналов есть следствие той “духовной ямы”, в которую провалилось наше общество. Хотя причины гибели назывались, на мой взгляд, не самые главные. Известный критик Владимир Бондаренко, например, утверждал, что это отказ от серьёзной критики как литературного жанра. Без критики, по его мнению, журнал перестаёт влиять на литературную ситуацию в стране, выпадает из современного литературного процесса. Это правильно, но только в том случае, если этот самый литературный процесс существует и развивается. Но его сейчас в России нет. Критиков, целенаправленно отслеживающих новые произведения, в стране раз-два – и обчёлся. В качестве другой причины назывался кризис в отношениях с читателями. С этим трудно спорить. Аудитория “толстых” журналов сегодня сокращена до предела. Цена подписки неподъёмна для большинства читателей. Ещё одна названная причина – утрата журналами авторитета и значимости в обществе. Это связано с тем, что, как полагал критик и социолог Борис Дубин, литература перестала быть центром жизни интеллигенции. Но это, по его мнению, не кризис, а всего лишь другая форма её существования. Сегодня нет единой литературы, есть литература глянцева, сетевая, серийно-массовая и так далее. Читатели же “толстых” журналов исчезают как класс. Старые поколения уходят, а молодым людям журналы не нужны и не интересны.

Всё это, безусловно, имеет место, но думается, главная причина бед толстых журналов и литературы в целом заключается в упрямом стремлении “верхов” насильственно изменить, преобразовать саму сущность нашего общества. Те, кто определяет внутреннюю политику государства, не хотят вспоминать слова отцов Церкви, что нет Господнего попущения на утверждение в России капитализма, особенно в его нынешнем – олигархическо-нефтяном – варианте. Один раз – в 1917 году – народ уже отверг капитализм. Из этого можно было сделать выводы.

И настоящая русская литература буквально вопиет об этом.

Но пока что многим талантливым писателям, особенно из провинции, не приходится мечтать о больших тиражах и всероссийской известности. Журналы для них – одна из немногих возможностей выйти к читателю. Но журналы патриотического направления можно пересчитать по пальцам: “Наш современник”, “Москва”, “Роман-газета”, некоторые региональные издания. Остальные либо придерживаются либерально-безнациональной идеологии, либо совершенно утратили внятное направление, уподобились сборникам или альманахам.

Несколько слов о журнале “Роман-газета”, главным редактором которого я являюсь уже пятнадцать лет. “Роман-газета” – старейшее литературное российское издание. В начале 1920-х годов Максим Горький подсказал Ленину идею создания “дешевой книги для народа”. Это было необходимо во время борьбы с неграмотностью и формирования новой пролетарской культуры. Причём предполагалось, что публиковаться в “Роман-газете” будут не только отечественные писатели, но и лучшие представители мировой литературы. “Роман-газета” со временем стала истинно народным изданием, опубликованные в ней авторы сразу же становились известными и признанными. В лучшие времена тираж журнала достигал четырёх миллионов экземпляров. По тому, как он изменился, – а сегодня журнал выходит в количестве четырёх тысяч экземпляров, – видно, что роль и значение литературы в России съёжились, как шагреновая кожа. Тем не менее, многие талантливые писа-

тели, особенно из российской глубинки, выходят к всероссийскому читателю именно через наш журнал “Роман-газета”. К примеру, мы первыми опубликовали роман Захара Прилепина “Патология” о чеченской войне. Только за последние несколько лет на страницах журнала публиковались такие авторы, как Валентин Распутин, Александр Проханов, Сергей Шаргунов, Виктор Пронин, Евгений Шишкин, Борис Агеев из Курска, Андрей Антипин из Иркутской области, Павел Крусанов из Санкт-Петербурга, Дмитрий Ермаков из Вологды, Камиль Зиганшин и Михаил Чванов из Уфы, Пётр Краснов из Оренбурга.

Как дань истории литературы мы только что опубликовали роман Всеволода Кочетова “Чего же ты хочешь?” Он не переиздавался почти полвека. Единственное в СССР книжное издание этого произведения было осуществлено в Белоруссии по решению Петра Машерова в начале семидесятых годов. Большая часть тиража так и не дошла до читателя. Кочетов в этом романе исследовал те негативные процессы, которые в итоге привели к распаду Советского Союза. Думаю, напомнить об этом сейчас очень важно.

Есть писатели услышанные, есть неслышанные, а есть еще те, которых замалчивают. Кочетов как раз и был таким вот неслышанным и замалчиваемым писателем. Таким же неслышанным был и Валентин Иванов, чей роман “Жёлтый металл” о спекуляции золотом в СССР, не переиздававшийся после 1956-го года, мы также напечатали в своём журнале.

“Роман-газета” в меру своих возможностей восполняет пробелы. В следующем году мы планируем опубликовать роман Владимира Солоухина “Мать-мачеха” – пронзительное произведение о жизни молодых людей в последние годы правления Сталина, историческое исследование создателя теории этногенеза Льва Гумилёва “От Руси к России”. А вообще, нет такого хорошего современного русского писателя, который бы не публиковался в “Роман-газете”.

Наш девиз: “Будем делать, что должно, и пусть будет, что будет”. Три года назад – в год 85-летия “Роман-газеты” – я готовил для каждого номера (журнал выходит два раза в месяц) “Историю журнала”, разделив её на временные (по четыре года) периоды. В это трудно поверить, но, несмотря на начавшуюся Великую Отечественную войну, журнал продолжал издаваться и в 1941-м, и в 1942 году! В это время в СССР издавались и другие литературные журналы.

А сегодня у “толстых” журналов нет средств на зарплаты сотрудникам, выплату гонораров авторам. Во многих из них сокращены должности корректоров и редакторов. Под вопросом само существование журналов. Некоторые из них, к примеру “Москва”, “Дружба народов”, в настоящее время не имеют возможности производить текущие платежи. Журнал “Москва” в Год литературы получил предписание освободить занимаемые помещения в центре города. В них должна разместиться какая-то туристическая фирма.

По общему мнению главных редакторов “толстых” журналов, ситуацию можно исправить с помощью **централизованной подписки крупных библиотек и образовательных учреждений, где имеются кафедры русского языка и литературы, на целевой “пакет” ведущих литературных изданий страны.** В этот “пакет” на первых порах следует включить самые известные, имеющие более чем полувековую историю и большие заслуги перед страной периодические издания, такие как “Новый мир”, “Наш современник”, “Роман-газета”, “Москва”, “Знамя”, “Октябрь”, “Юность”, “Нева”, “Звезда”, “Сибирские огни”, “Волга”, а также еженедельники “Литературная газета” и “Литературная Россия”.

Но сделать это не так-то просто. Почему? Дело в том, что **библиотеки** находятся в ведении **Министерства культуры; институты и университеты – Минобрнауки; непосредственно же журналы** как средства массовой информации – в ведении **Агентства по печати и массовым коммуникациям.** Три ведомства не могут принять согласованное решение без конкретного указания “сверху”.

Для решения этой проблемы необходимо предпринять несколько последовательных действий.

Во-первых, придать “толстым” журналам, имеющим долгую и славную историю и внесшим большой вклад в культуру страны, особый государственный статус.

Во-вторых, сформировать “пакет” из непосредственно участвующих в живом литературном процессе изданий.

В-третьих, дать указание контролирующему и выделяющему библиотекам средства на приобретение печатной продукции **департаменту Министерства культуры обеспечить подписку** на вышеуказанный “пакет” для **пяти тысяч** (всего их сейчас в России осталось менее сорока тысяч) ведущих библиотек и **(по согласованию с Минобрнауки)** для учебных заведений, где есть кафедры русского языка и литературы.

Расчёты подтверждают, что гарантированная (пять-шесть тысяч экземпляров) подписка даёт возможность журналам существовать относительно безбедно и даже выплачивать авторам небольшие гонорары. Такое решение **не требует дополнительного выделения бюджетных средств**, а требует всего лишь их **перераспределения** с низкопробных “неликвидов”, которые едва ли не насильно “впариваются” сегодня библиотекам формирующими их фонды организациями на периодические издания, поддерживающие и развивающие литературный процесс, то есть профессионально работающие с современными авторами.

Через несколько лет библиотекам и учебным заведениям можно будет предоставить **право выбирать** литературные издания (в пределах цены “пакета”) **по их собственным заявкам**. Это позволит, с одной стороны, отсеивать “слабые” издания и выбирать те, которые интереснее. С другой – будет способствовать здоровой конкуренции между литературными журналами за право войти в государственный “пакет”.

Подобное решение, если бы оно было принято, принесло бы **несомненную пользу стране**. Оно бы позволило спасти толстые журналы и было бы **с удовлетворением встречено литературной общественностью, особенно в Год литературы**.